

ТЕМЫ НЕДЕЛИ:

- «Очаговая» модель модернизации
- «Потепление» на Черном море

EX OFFICIO

- Глеб Павловский с.2-3

ЛИЦА ФОРУМА

- Йен Шапиро с.4-5

ГОСУДАРСТВО И МОДЕРНИЗАЦИЯ

- Владимир Малявин . . с.6-7
- Артем Оганов с.8
- Андрей Виноградов с.9
- Ричард Саква с.9
- Олег Алексеев с.10
- Игорь Игошин с.10
- Игорь Юргенс с.12
- Виктор Красильщиков с.13
- Сергей Алексашенко с. 14-15

ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Михаил Погребинский с.16-17
- Джеймс Шерр с.15
- Федор Лукьянов с.18
- Тимофей Бордачев с.19

БИБЛИООБЗОР

- Рональд Инглхарт, Пиппа Норрис. «Космополитическая коммуникация». с. 11

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕМЕ

- Герхард Манготт с. 20

Главный редактор
Глеб Павловский

Шеф-редактор
Борис Межуев

Адрес редакции
119180 Москва
ул. Большая Якиманка, д. 1.
Тел.: (495) 745-52-25
Факс: (495) 725-78-67
e-mail: info@russ.ru

РОДЖЕР КОРНБЕРГ НАЗНАЧЕН СОПРЕДСЕДАТЕЛЕМ «СКОЛКОВО»

Артем Оганов:

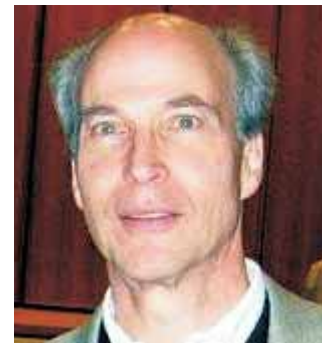
Привлечение Корнберга – это абсолютно верный шаг

Андрей Виноградов:

Корнберг – выдающийся американский ученый

Ричард Саква:

Россия готова учиться на зарубежном опыте без посредников

Владимир Малявин: ШАНХАЙСКИЙ ОЧАГ МОДЕРНИЗАЦИИ

В масштабах общества мы получаем капиталистически организованный социум при идеократической, очень формализованной политике.

Тимофей Бордачев: ЧЕРНОЕ МОРЕ — АРЕНА «ПЕРЕЗАГРУЗКИ»

Для России сохранение в Севастополе Черноморского флота – это в первую очередь вопрос престижа. Реального военно-стратегического значения данный регион не имеет.

Йен Шапиро: МОДЕРНИЗАЦИЯ ОЗНАЧАЕТ НЕРАВЕНСТВО

Демократия вовсе не является гарантией равенства. Более того, даже в продвинутых странах, таких как США, за последние сорок лет наблюдался рост неравенства, несмотря на то, что это демократическая страна. А модернизация однозначно провоцирует рост неравенства.

РАХ MEDVEDICA: РОССИЯ МЕДВЕДЕВА ВЫХОДИТ ИЗ ГЛУХОЙ ОБОРОНЫ

Глеб Павловский

EX OFFICIO

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала».

Ведущий секции Мирового политического форума, Ярославль, 2010

1.

В короткое время внешние дела России, будто бы застрявшие в рутине еще к концу прошлого года, разрядились серией прорывов. После выборов на Украине и подписания с Обамой соглашения по СНВ, Россия будто оказалась в другом мире. В этом мире происходят вещи, считавшиеся невозможными — соглашение с Киевом по базе ЧФ в Севастополе; решаются проблемы, которые принято считать вечными, например, демаркация в Северном и Баренцевом море с Норвегией. Одновременно рушится предпоследний «революционный» режим в Киргизстане и матрица оранжевых революций перестает существовать.

Эти успехи вроде бы посыпались на Медведева ниоткуда. В политике так бывает — долго и, кажется, бесполезно работаешь, а после приходит другой и пожинает плоды.

Медведев, несомненно, пожинает во внешней политике плоды путинского «пережима», то удачного, то нет — включая мюнхенскую речь. От войны с Грузией и «перезагрузки» с Обамой, краха всей оранжевой матрицы на постсоветском пространстве, до феноменального соглашения с Украиной по флоту. Это касается и Польши, шаги к разрядке с которой делались Путиным еще до трагедии под Смоленском.

Но верно и обратное. **Лидерский шарм Путина в мире через два года после его ухода с президентского поста — результат успехов Медведева.** Признание постпрезидентской влиятельности Путина — еще и высокая мировая оценка его успеха с выбором преемника.

2.

Путин вел внешнюю политику — политику России в осаде. Когда он пришел во власть, Россия была в немногим лучшем положении, чем Югославия. По любому вопросу модель поведения Запада в отношении Югославии и России — была одинаковой с некоторыми вариациями (минус бомбардировки). И Запад не собирался ее менять. Путин попал в осаду с первого дня президентства; он долго и мучительно выходил из окружения. Его шаг навстречу Вашингтону 11 сентября и шаги навстречу Европе — все это был осторожный и медленный выход из осады.

Медведеву удалось за короткий срок совершенно переменить

ситуацию на европейско-российском пространстве, Евровостоке. Подобного тому, что мы видели в эти дни, еще не было. В харьковской сделке с Киевом присутствовал невидимый «третий» — Обама. Обама поднял вопрос о сдаче оружейного плутония, а Медведев — о «сдаче Севастополя», **Януковичу было бы трудно пойти навстречу кому-то одному и отказать другому.** Он пошел им навстречу одновременно, не только трезво оценив бедственное положение Украины, но и возобновив, в новой форме, традиционную для Украины политику игры на балансе сил. Он бы может и продолжал кучмистскую игру на противоречиях, но теперь перед Януковичем был единый «вашингтоно-московский обком».

Практически одновременно, играя в четыре руки, Вашингтон и Москва поставили перед Киевом вопрос ребром. У нас зря рассматривают соглашение с Украиной как размен — «газ на базу», «деньги на флот». Все это правда. Но это не *вся* правда. Украина не то, чтобы отказывается от НАТО, — НАТО оказывается неактуальным для Украины, а Украина — для НАТО. Актуально другое — **Украина перестает быть плацдармом для сдерживания России.** А Украина как плацдарм для сдерживания России — это был ключевой элемент политики Запада в течение двух десятилетий. Медведвым устранен ключевой элемент сохранения холодной

войны — в той новой форме, которую она приняла после 1991 года.

3.

Все прекрасно понимали, что соглашение с Тимошенко о газовой цене в 330 долларов невыполнимо. Настаивать на его выполнении так же нереально, как требовать от Ирака долги, которые сделал Саддам Хусейн. Долги Ющенко-Тимошенко все равно бы пришлось бы списать. И Россия отдала эти 100 долларов за каждые 10 тысяч кубов, т. е. отдала те 100 долларов, которых, в сущности, и не было. А Янукович получил реальные деньги, причем — это деньги будущих администраций. **Договор хорошо застрахован с двух сторон: политические риски — финансовыми отношениями, а финансовые риски — политическими соглашениями.**

Подписанный Медведевым договор с Украиной, если он будет ратифицирован, в первый раз создаст для нас ситуацию **долгосрочного мира в Восточной Европе.** Этот мир — это медведевский мир, накопленный итог десятилетия суверенизации России. Сегодня Медведев не в осаде, и Россия не в осаде. **Медведев оказался еще более успешным русским националистом, чем Владимир Путин** — «националистом в хорошем смысле слова», цитируя того же Путина.

Идя навстречу «китайскому» XXI столетию, Россия не оставляет в тылу потенциальной угрозы в Восточной Европе. Угрозы, которая все эти два десятилетия существовала, сохранялась, поддерживалась и искусственно усиливалась.

На наших глазах для России возникает партнерский мир, партнерская Европа.

4.

И здесь начинается этап, требующий более тонкой игры. Здесь уже не обойдешься просто позицией «за и против» — за ПРО или против ПРО, за НАТО или против НАТО. Нужна сложная тонкая политика, которая сохранила и расширила эту уникальный коридор «наибольшего благоприятствования России». **Такая же тонкая сложная политика требуется и после ратификации Украиной «харьковского пакта».** Потому что в Европе возникает фактически новое геостратегическое пространство. Это не военный союз, не ЕЭП и не пресловутая «интеграция двух стран» — но это гигантское поле стратегического взаимопонимания. *Пространство партнерства*, в котором будет масса конфликтов. И теперь нельзя уже стучать кулаком по столу и кричать «подыму тарифы», нельзя уже грозить перекрытием вентиля. **У России нет готовой модели новых, «третьих», отношений с Украиной.** Это новый вызов нашей внешней политике.

Именно успехи Медведева делают апгрейд нашей внешней политики неизбежным. Фактически возникший в Крыму своего рода «кондоминимум» в зоне Большого Черного моря ставит вопрос о дальнейших совместных действиях, например в отношении Приднестровья и Молдовы.

5.

Итак Россия Медведева добила всех целей, которые ставила перед собой Россия Путина. На западных и юго-

западных границах России установлен, по всей видимости, долгосрочный мир. Основные внешнеполитические задачи решены, и даже «большой договор» Медведева, который на Западе почти все поначалу отвергли, сегодня по факту выполняется так, как если бы он существовал. НАТО предложил России участвовать в евроатлантической системе ПРО. Отношения с Обамой открывают возможность двигаться дальше, и здесь тоже не так понятны рубли, куда надо двигаться.

Мы все время говорим, что мир меняется, и пора сказать, в чем именно меняется мир. Вот эта недавняя, отчасти смешная история с исландским пеплом, — который парализовал бюрократов и авиасообщение Европы — **возвращает в центр повестки дня такой, казалось бы «устаревший» фактор, как Земля.** За виртуализацией политики Десянолетних-Двухтысячных мы забыли Землю, с ее человеческими и природными ресурсами. И, похоже, планета как словарь — люди, территория, ресурсы, дороги, места развития — становится в центр новой повестки дня. Россия — обладательница этой реальности, которую надо защищать.

И, тем не менее, **Медведеву чертовски везет.** Он это везение частично заслужил, а частично в каком-то смысле, дождался. И сегодня он может предстать своей стране уже в новом качестве. Даже не числясь в верхних строчках рейтинга влияния мировых политиков, **Медведев фактически становится самым влиятельным политиком России накануне полосы парламентских и президентских выборов.** ■

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОЗНАЧАЕТ НЕРАВЕНСТВО

Йен Шапиро

Йен Шапиро — известный американский политический философ и политолог, профессор политологии Йельского университета, директор Центра Макмиллана по международным и региональным исследованиям Йельского университета, член Совета по международным отношениям, член Американской академии науки и искусств. Йен Шапиро — участник ярославской конференции «Современное государство и глобальная безопасность» (2009)

■ *Уважаемый господин Шапиро, как вы оцениваете перспективы российской очаговой модернизации? Сможет ли Россия создать очаги модернизации? Какие факторы будут способствовать успеху такой модели (развитию Сколково, Новосибирского наукограда)?*

Идея весьма привлекательная, хотя справедливости ради надо отметить, что она не новая, она циркулирует в кругах экономистов, занимающихся вопросами развития,

последние восемьдесят—сто лет. Лучше всего, пожалуй, эта идея была сформулирована в свое время экономистом Гуннаром Мюрдалем, который писал о «кумулятивной причинности».

Эта теория предполагает, что ресурсы будут течь туда, где уже есть ресурсы, то есть центры, развивающиеся быстрыми темпами, будут своего рода магнитами для новых ресурсов. Стоит создать модернизационный очаг, как он будет развиваться быстрыми темпами. Самая главная проблема, как я уже подчеркивал ранее, заключается в последующих стадиях модернизации, когда уже решены первичные проблемы.

Сложно понять, где именно должны быть расположены эти очаговые центры, модернизация какого типа нужна этим центрам, каким секторам экономики надо отдать предпочтение, как именно проводить модернизацию. Какие-то решения могут казаться правильными в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной они могут оказаться полностью ошибочными. Повторюсь: это никак не связано с политическим устройством страны, это может случиться и в демократии, и в авторитарной стране. Можно привести пример Японии и тех решений, что были приняты в 1970-е и 1980-е годы, когда все исходило из того, что у Японии прекрасная экономика. Правительство вливало субсидии в определенные сектора экономики, и через пятнадцать лет стало понятно, что они ошиблись. Японская экономика практически остановилась в 1990-е годы из-за этих стратегически неправильных решений.

■ *Считаете ли вы, что возникновение социального неравенства в ходе поддержания очагов модернизации может быть сдержано демократическими методами? Или для успешного проведения очаговой модернизации требуется жесткий авторитарный режим и централизованная модель управления?*

Демократия не сможет решить проблему социального неравенства, которое возникает в результате развития очагов модернизации. Чтобы понять это, достаточно посмотреть на примеры Бразилии и Южной Африки. Обе эти страны провели ускоренную модернизацию и демократизацию. Но это не оказало никакого влияния на общий уровень неравенства в Бразилии и ЮАР. Индекс Джини, который является основным показателем неравенства, в этих странах очень высокий. Демократия вовсе не является гарантией равенства. Более того, даже в продвинутых странах, таких как США, за последние сорок лет наблюдался рост неравенства, несмотря на то, что это демократическая страна. **Модернизация однозначно провоцирует рост неравенства**, и я не уверен, что демократия сможет решить эту проблему. Но я не думаю, что политическая система является решающим фактором в процессе проведения модернизации вообще. Очаговая модернизация принесла свои результаты как в авторитарном Китае, так и в демократической Индии.

■ *Возможна ли вообще модернизация, имеющая не очаговый (общенациональный) характер, результаты и выгоды которой равномерно распределяются на все население страны?*

Мне в голову не приходит ни одного примера страны, где бы резкий экономический рост не спровоцировал роста неравенства. Возможно, кто-то укажет на СССР, но известно, что в Советском Союзе уже в 50-е годы прошлого века наблюдалось существенное неравенство внутри общества. Это детально описал в своей знаменитой книге 1954 года «Terror and Progress, USSR: Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship» американский политолог Баррингтон Мур. Со временем выяснилось,

что советская модель модернизации вообще нежизнеспособна. После того как первые стадии модернизации были закончены, модель исчерпала себя и не работала. Если посмотреть на оставшиеся страны с административно-командной системой, такие как Куба, то у этих стран очень низкий уровень экономического роста. Надо понимать — **эти страны пожертвовали развитием ради равенства.**

■ *Насколько пагубна глобализация для дела общенациональной модернизации? Можно ли ожидать, что в ситуации глобализации очаги модернизации будут работать на страну, в которой они находятся, а не являться сервисом по предоставлению услуг для всего остального мира?*

Чрезвычайно важный вопрос. Но, увы, ни у кого на него пока нет ответа. Если посмотреть на предыдущую волну модернизации, которая происходила после Второй Мировой войны, то очевидно, что она происходила в совершенно других условиях — не было глобализации. Модернизацию можно было проводить за «заборами» из тарифных барьеров, можно было контролировать потоки капитала и модернизировать страну, соблюдая права рабочих. Сегодня это уже невозможно. Никакое правительство не способно полностью контролировать потоки капитала. Тарифные барьеры снижены повсюду, профсоюзы распадаются даже в тех странах, где они играли традиционно важную роль. Страны, которые вынуждены проводить модернизацию сегодня, должны осуществлять ее в условиях глобализации, которая постоянно влияет на все модернизационные процессы.

В последние пять лет в Китае наблюдается любопытнейшая тенденция — китайцы вывозят часть производств в Африку, потому что рабочий труд в Африке стоит еще дешевле, чем в Китае. Можно даже утверждать, что **пока что нет ни одного примера успешной модернизации, начатой и завершенной в условиях глобализации.** Нет инструкций, нет опыта, который можно было бы использовать. Все примеры успешных модернизаций, которые будут

вам представлены в качестве примера, сегодня не являются в полной мере корректными.

■ *И в заключение, коль скоро у нас зашла речь о глобальных процессах. вы были участником международного форума в Ярославле в 2009 году, и будете его участником в нынешнем, 2010 году. Какие перспективы вы связываете с этим событием, считаете ли вы удачными его основную тему (Современное государство: развитие демократии и критерии эффективности)?*

Тема очень удачная и заслуживает самого внимательного изучения. Успех форума будет зависеть от того, как докладчики и основные участники мероприятия смогут разобраться в ее более узких формулировках, войти в нюансы. Мне нравится, что в этот раз особое внимание будет уделено региональным вопросам, в частности, теме «несостоявшихся государств». Любое решение этой проблемы будет осно-

вываться на привлечении региональных организаций, в рамках которых «здоровые государства» будут помогать «несостоявшемуся государству», даже если это может создать определенные проблемы для правительств вовлеченных стран.

Сейчас у нас есть, например, практически «несостоявшееся» государство в Ираке. И, даже если США не очень нравится эта идея, становится понятно, что для стабилизации Ирака необходимо сделать ставку на региональное сотрудничество, и привлечь такие страны, как Сирия, Иран, Турция, которые должны будут помочь Багдаду после того, как закончится американская оккупация. В целом, я был очень доволен, когда увидел в списке сюжетов Ярославского форума тему регионального сотрудничества в контексте проблем безопасности. Россия может сыграть важную роль в разработке правил подобного регионального сотрудничества. ■

Беседовала Юлия Нетесова

«ОЧАГОВАЯ» МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

Модернизация – это процесс, в результате которого традиционное, в основе своем еще аграрное общество становится обществом городским. Вначале меняется не общество в целом, меняются сами города: из резиденции власти и места представительства сословий города становятся в первую очередь центрами образования, индустрии и предпринимательства. Возникает городская культура в современном понимании, культура, ориентированная на историю и время, а не на вечный, неизменный строй жизни. Человек обретает этическую самостоятельность, принципы его поведения становятся предметом его собственного выбора.

Модернизация загорается отдельными «очагами», а потом национальное государство создает рамку для интеграции «очагов современности» с анклавами традиционного общества. Выражаясь языком модного в России футуролога Элвина Тоффлера, «вторая волна» технологического развития поглощает и аккумулирует «пер-

вую». Сегодня в России под «очаговой» модернизацией понимают чаще всего разгон «третьей волны» – постиндустриального производства, основанного на знании и инновациях. Сложность здесь в том, что «третья волна», согласно Тоффлеру, вообще не предполагает никакого национального государства, что она по сути своей интернациональна и ориентирована на некие глобальные центры производства интеллектуального класса. Сегодня такой центр по существу один – и находится он в Соединенных Штатах. И все, кто пытается нечто подобное сотворить у себя дома, вынужден входить в систему, ключи к управлению которой расположены по другую сторону Атлантики.

Так существуют ли другие модели модернизации, кроме «очаговой»? И возможна ли в будущем национализация «очагов современности», подобная той, что сделала людей, находящихся на разных ступенях технологического развития, равными гражданами своих государств?

ШАНХАЙСКИЙ ОЧАГ МОДЕРНИЗАЦИИ

Владимир Малявин

Первого мая в Шанхае открывается Всемирная торговая выставка – «Экспо-2010». Шанхай по праву считается центром модернизации современного Китая. Масштабы развития этого мегаполиса впечатляют даже на фоне общего бурного экономического роста Поднебесной. О том, что такое модернизация по-китайски, «Русскому журналу» рассказывает один из ведущих российских китаистов Владимир Малявин

«Экспо-2010» в Шанхае показывает будущее, которое, к счастью, не может быть бесконечным. Для страны-устроительницы Всемирная выставка всегда была отличным поводом продемонстрировать свои достиже-

ния и амбиции. Сорок лет назад, в мои студенческие годы, много шуму наделала Всемирная выставка в Осаке, когда внезапно воскресшая Япония рвалась в мировые лидеры и изумляла мир своими транзисторами, автомобилями и даже нейлоновыми рубашками и плавками, как было написано на этикетках для советских покупателей, «приятными на ощупь». А сегодня мой японский друг пишет мне: «Мы давно потеряли идею движения вперед и получаем удовольствие только от того, что есть внутри самой Японии, – к примеру, от цветов сакуры. Надеюсь, в это время бурных перемен нам удастся сохранить добрые черты японского характера».

Маленькой Японии удобно закрыться в своей островной раковине. Сможет ли это сделать огромный, культурно пестрый Китай, когда выдохнется его нынешняя модернизационная динамика? Вопрос на будущее. Пока же китайцы упиваются своим взлетом и не устают заявлять о своих новых, глобальных притязаниях. **Пассажирам, прилетающим в Шанхай, уже в самолете объявляют, что отныне «Китай будет служить мостом между Азией и миром».** На первом Всемирном даосском форуме, проведенном недавно в Пекине, китайские участники часто повторяли, что теперь «китайская культура должна играть руководящую роль в мире». Этот официоз имеет твердую почву в реальной жизни. Вот и пассажиры шанхайского метро (к выставке, кста-

ти, открыты сразу несколько новых линий) теперь слушают объявления по-английски. Набравшие из деревни девчухи в ресторанчиках Экспо млеют от восторга, общаясь с иностранцами, которых они, наверное, впервые видят вблизи. Они попали в совсем новый для них, радостно-волнительный мир и, кажется, искренне верят в девиз выставки: «Better city, better life». А такая вера – ресурс сильнее денег.

Амбиции Китая находят в мире полное понимание. Выставка собрала рекордное количество стран-участниц – около полутора сотен – и занимает площадь в девять с лишним квадратных километров. Таковы новые китайские масштабы.

Признаюсь, и меня в конце концов проняли нынешний китайский размах и китайская мощь. Куда ни прилетишь в Китае – всюду новенькие гигантские аэропорты, от них разбегаются через клубки транспортных развязок скоростные магистрали, всюду горизонт заставлен параллелепипедами высотных зданий, бурлит и хлещет через край жизнь. Словно какая-то чудо-меленка мелет и мелет где-то на дне Янцзы или, может быть, прудов Запретного Города и вываливает из себя все новые аэропорты и автострады, жилые кварталы, небоскребы, универмаги, горы автомобилей, компьютеров, шмоток. Кто и как приладил приводные ремни от заветных струн китайской души к материальному миру? Какие силы приводят их в движение?

Уже в четвертый раз я приезжаю в деревушку Чжоучжуан – романтический уголок старого Китая в этих краях. Опять иду ее узкими улочками, люблюсь игриво выгнутыми мостиками над каналами, вдыхаю пустоту ее уединенных храмов. В сумраке давно опустевших залов едва видны старинные надписи над алтарями, словно списанные с последних указаний партии и

Владимир Малявин – доктор исторических наук, автор многочисленных работ по истории и культуре Китая, переводов классических трудов китайских философов. Профессор Малявин работал в МГУ и в Российской Академии наук, преподавал в Парижском университете и в ряде университетов США. В настоящее время – профессор Тамканского университета на Тайване, директор Института изучения России.

Из опубликованных книг наиболее известны: «Гибель древней империи» (1983), «Чжуан-цзы» (1985), «Традиционная эстетика в странах Дальнего Востока» (1987), «Афоризмы старого Китая» (1988), «Конфуций» (серия «ЖЗЛ», 1992), «Антология даосской философии» (1994)

правительства: «Торговля, процветая, пронизывает все Четыре Моря. Богатство, будучи в изобилии, достигает Трех Рек» (т. е. Китая. – В. М.). Повсюду – в спинках стульев, на стенах, на столах и даже табуретах – вставлены шлифованные срезы мрамора, узор на которых странным образом напоминает пейзажные картины. Обилие таких срезов не создает впечатления однообразия, ведь возможности игры в опредмечивание абстрактных образов практически не ограни-

чены. Но все же количество этих экстравагантных деталей интерьера явно превышает собственно эстетические потребности. Дело, конечно, в их статусной роли: дорогие спилы мрамора удостоверяют богатство семьи. Да и само слово «пейзаж» (букв. «горы и воды») на местном диалекте звучит почти как «есть богатство, есть достаток».

Удивительная и чисто китайская придумка: открыть внутри камня образ недостижимой дали. Настоящая «геология трансценденции», как я обозвал однажды шанхайскую жизнь. Лучший способ реализовать извечный китайский идеал: «человеческой работой завершить работу Небес». Работой, добавлю, виртуозно-чистой, не оставляющей следов. Сказал же Роже Кайуа как раз по этому поводу, что он «любит совершенство мнимости». Что же, Китаю, уже завалившему мир подделками всего и вся, и вправду принадлежит «руководящая роль» на этом празднике медиакратической жизни?

И вот формула китайской мудрости: реальность есть обмен, смысл жизни – торговля (по-китайски это заявление звучит тавтологично), и, накапливая силы жизни, мы наращиваем свой капитал. Жизнь содержит в себе все необходимое для удовольствия, тратиться ни на что не нужно (и уровень сбережений в Китае фантастически высок). Но физический мир, вовлеченный в обмен, становится образом высшего символического порядка, и мы расходуем свой капитал согласно принципам этого последнего, попросту говоря – чтобы удостоверить свой символический статус. Очень рачительный в быту китаец легко тратит большие деньги вроде бы на пустяки только для того, чтобы «сохранить лицо». **В масштабах общества мы получаем капиталистически организованный социум при идеократической, очень формализованной политике.** ■

Специально
для Русского Института

27 апреля пришла интересная новость о наукограде нового поколения «Сколково». Возглавить его, в качестве сопредседателя научно-технического совета, согласился выдающийся американский биохимик, лауреат Нобелевской премии по химии за 2006 год Роджер Дэвид Корнберг. На наши вопросы о перспективах «Сколково» и общем состоянии российской науки согласились ответить **Артем Оганов, Андрей Виноградов и Ричард Саква**

РОДЖЕР КОРНБЕРГ — АБСОЛЮТНО ВЕРНЫЙ ВЫБОР

Артем Оганов

Артем Оганов — российский кристаллограф, считающийся одним из самых востребованных молодых ученых современности, профессор Университета Штата Нью-Йорк и адъюнкт-профессор МГУ

■ *Уважаемый Артем, как вы оцениваете перспективы проекта «Сколково»? Откликнутся ли молодые ученые, работающие за рубежом на призывы российского правительства или поколение ученых, покинувшее Россию в середине 1990-х–2000-х, навсегда потереяно для страны?*

Перспективы «Сколково» зависят от многих факторов, в том числе от мудрости и амбициозности его организаторов, качества их стратегии. Они просто обязаны привлекать самых лучших мировых ученых и инженеров. В «Сколково» должно быть хотя бы 10–20 нобелевских лауреатов — постоянно работающих, а не просто визитеров. В России за всю историю было лишь около 10 нобелиатов — и это плохо влияет на престиж нашей науки. Пора бороться за этот престиж. Будет ошибкой привлекать

только русскоговорящих. Нам нужны лучшие, а лучшие, увы, не всегда говорят по-русски. Я верю, что для многих иностранцев Россия может стать второй родиной. Я сам нерусский по крови, неправославный по вере (я католик), но считаю себя русским и горжусь своей страной, Россией. В российской науке были такие имена, как ставшие русскими поданными швейцарец Эйлер и австриец Эренфест, не говоря о бесчисленных других крупных именах. За лучших надо бороться, и их можно привлечь. Было бы желание. «Сколково» может стать либо провальным проектом, либо огромным успехом. Я оптимист и верю в успех.

■ *Какие минусы и плюсы вы видите в превращении проекта «Сколково» в международный проект — после приглашения на пост сопредседателя проекта американского ученого?*

Я очень рад, что нобелевский лауреат Роджер Корнберг будет организатором «Сколково». Если «Сколково» — не международный проект, то тогда он неминуемо обречен на провал. Нам не нужен еще один НИИ или еще один наукоград. Проблема наших наукоградов именно в том, что начавшись с великих энтузиастов-основателей, со временем они сползли к застою из-за отсутствия притока лучших ученых. Брала на работу «своих», по сути первых попавшихся — а надо было объявлять международный конкурс на каждую позицию младшего научного сотрудника. Каждого (именно каждого!) отбирать по всему миру, из лучших.

Привлечение международных экспертов такого уровня, как Корнберг — абсолютно верный шаг. Посмотрим, что будет дальше. Начало истории очень обнадеживает.

■ *Какие вы видите препятствия для развития российской научной мысли, и какие меры следует предпринять для устранения этих препятствий?*

До недавнего времени плохое финансирование и отсутствие современного оборудования были проблемами. Сейчас появляется и отличное оборудование, и начинают выделять все более адекватные гранты — но работать некому.

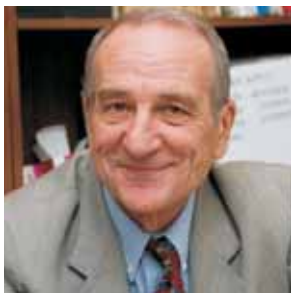
Практически не осталось высококлассных ученых — за исключением отдельных островков науки вроде Дубны. Качество образования стремительно падает — у студентов просто нет возможности прикоснуться к современной науке и оценить ее красоту.

Научная система в России очень бюрократична. Совместно с коллегами из Новосибирска я недавно получил грант Роснауки. Через неделю после того, как мы получили об этом известие, от нас уже потребовали 50-страничный отчет. Отчет о чем — о еще не потраченных деньгах и еще не сделанной работе? С тем же грантом нас заваливали совершенно бредовыми директивами, и в какой-то момент я позвонил в Роснауку и сказал, что если это не прекратится, то я откажусь от гранта — у меня есть и кафедра в США, этим заниматься приятнее, чем общаться с полуразумными бюрократами. Кошмар прекратился — но, уже по правилам, от нас все еще требуют по 50-страничному отчету каждые 6 месяцев. 50 страниц отчета — это очень много.

Итак, **проблемы российской науки — почти абсолютное отсутствие первоклассных ученых, отсталость и отрезанность нашей науки от мировой, падающее качество университетского образования, чудовищная бюрократия.**■

Беседовали Константин Аршин и Александр Павлов

СПАСЕТ ЛИ КОРНБЕРГ БИОХИМИЮ?

Нобелевский лауреат 2006 года Роджер Корнберг, которого пригласили в качестве сопредседателя научно-технического совета в Сколково — выдающийся американский ученый, работающий в области, принадлежащей почти в равной степени биохимии, молекулярной биологии и молекулярной генетике. Эта область фундаментальной науки — основа будущей медицины, фармакологии и биотехнологии. Российская наука на этом направлении сильно отстала от того, что происходит в мире. Но **вряд ли Роджера Корнберга пригласили на эту должность потому, что организаторы осознают создавшееся положение. Скорее всего, к нему обратились именно потому, что он лауреат Нобелевской премии, и потому, что, по мнению людей, от настоящей науки далеких, если главой научного учреждения назначить крупного ученого, то наука в этом учреждении начнет процветать.**

Ситуация в российской науке, не только в биохимии, грустная. Мы продолжаем терять научные кадры, в первую очередь молодых перспективных ученых. Специфика биохимии и других экспериментальных наук состоит в том, что если молодой филолог или юрист может подрабатывать без большого ущерба для своей профессии, то биохимик-экспериментатор не может себе этого

АНДРЕЙ ВИНОГРАДОВ — российский биолог, профессор биологического факультета МГУ, вице-президент Национального комитета биоэнергетиков, член Центрального совета Российского биохимического общества, член редколлегии журнала «Биохимия». Лауреат Государственной премии СССР. Один из основоположников изучения в России энзимологии.

Специально для Русского Института

позволить. Формирующаяся социальная система в России явно противоречит энтузиазму молодого ученого, а настоящую науку всегда делали энтузиасты. Хватит пальцев одной руки, чтобы пересчитать в России научно-исследовательские группы, работы которых в области биохимии цитируются в международных журналах. И созданием центров с нобелевскими лауреатами во главе здесь помочь нельзя.

Некоторое время назад на биологический факультет МГУ по почте пришел опросник — про Сколково. Заявленная цель опроса — узнать мнение научной общественности относительно создания подобных центров. Среди прочих были заданы вопросы: «Каковы ваши научные достижения?», «Какой оклад вы считаете приемлемым для себя и для своих сотрудников, если бы вам предложили лабораторию?». Я ответил на все вопросы и отослал. Будет ли от этого эффект? Не знаю. Просто из вежливости нужно отвечать на письма.

Если бы государство решило поддержать науку, следовало бы для начала выделять бесплатные квартиры для самых достойных и перспективных выпускников вузов. Одно это моментально оживило бы отечественную науку. Однако вряд ли этот простой прием будет использован. ■

КОРНБЕРГ + СКОЛКОВО = УСПЕХ ВСЕЙ РОССИИ

РИЧАРД САКВА — британский историк и политолог, профессор российской и европейской политики в Школе международных отношений Университета Кента (Великобритания), автор ряда монографий по современной истории России.

Специально для Русского Института

Назначение нобелевского лауреата профессора Роджера Дэвида Корнберга одним из сопредседателей научно-технического совета города инноваций и модернизации Сколково, вне всякого сомнения, является позитивным фактом для России, который надо всемерно приветствовать.

Сам этот факт посылает сигнал о том, что **Россия готова и преисполнена желания учиться на зарубежном опыте напрямую, без посредников** и в этих целях, во имя успеха инновационного проекта «Сколково», прибегает к услугам одного из ведущих специалистов в вопросах планирования и развития науки.

Приглашение такого известного ученого для участия в развитии Сколково означает, что Россия признает, что главной проблемой, сдерживающей научный и технологический прогресс, является отнюдь не недостаток талантов в России, а засилье бюрократии и всепроникающая коррупция, которые оказывают негативное воздействие на процессы научно-технического развития, тормозя и застопоривая все инициативы.

Приглашение одного из ведущих американских ученых на столь высокую должность сопред-

седателя и одного из ключевых организаторов процесса создания инновационного проекта «Сколково» означает, что **теперь мы можем надеяться, что сам проект будет открытым и прозрачным** — и в том, что касается вопросов управления, и в том, что касается чисто научных аспектов его осуществления.

Это особенно важно, если мы будем иметь в виду, что, создавая проект «Сколково», Россия имела в виду успех Силиконовой долины в Соединенных Штатах. Любой проект искусственного создания динамично развивающихся инновационных центров таит в себе огромные риски, и во многом это противоречит опыту, накопленному при осуществлении подобных проектов в Америке.

Можно лишь пожелать России всяческих успехов в осуществлении инновационного проекта «Сколково». Сам по себе он вряд ли изменит правила игры, но **это будет хороший пример для остальной части территории России.** Благодаря осуществлению этого проекта россияне смогут увидеть, что дела можно вести по-новому, а сами по себе новые идеи, которые будут рождаться в Сколково, могут стать мерилом будущего успеха. ■

ДАВАЙТЕ «ВЫРАВНИВАТЬ» РОССИЮ

ИГОРЬ ИГОШИН – российский политический деятель, заместитель председателя комитета Госдумы РФ по науке и наукоемким технологиям, координатор социально-консервативного клуба «Единой России»

Специально для Русского Института

Есть два основных подхода к решению задач модернизации. Первый: создать благоприятный инвестиционный климат и ждать, что «все само собой заколосится». Второй – генерировать точки технологического роста, обеспечивая им индивидуальную государственную поддержку.

Россия не может ждать, когда модернизация пойдет по первому пути. Опирайтесь только на второй путь тоже не выход. Это мы уже проходили в советские времена.

Единственное разумное решение для России – сочетание двух подходов. А значит, без «очаговой модернизации» не обойтись. Такие «очаги» могут носить не только территориальный, но и отраслевой характер. Атомная энергетика или ГЛОНАСС – это тоже «очаги модернизации».

За последнее десятилетие было немало сделано, чтобы сократить число «бесконечно отстающих» территорий. Чем меньше будет разрыв в развитии регионов, тем больше появится возможностей для проведения политики, основанной на увеличении процедур, стимулирующих рост.

Что такое, в сущности, модернизация? Это появление у людей и предприятий новых возможнос-

тей, позволяющих работать эффективнее, с большей отдачей и производить новое для себя. Если в Индии сын нищих и безграмотных крестьян выучил английский и математику и работает в Бангалоре программистом, для страны это уже элемент модернизации. Пройдет какое-то время, и он или его дети смогут разрабатывать, скажем, систему управления для истребителя пятого поколения.

Важно, чтобы у людей сохранялся стимул работать здесь, в нашей стране, а не ехать за кордон. Вот за это нужно бороться, но не запретами, а путем создания конкурентных условий. В том числе – в виде «географических очагов модернизации».

То, что Россия способна создать «очаги модернизации», сомнения не вызывает. Пример советских наукоградов, где реализовывались действительно прорывные научно-технические проекты, – лучшее тому подтверждение.

Проблема в другом – в том, чтобы обеспечить переход от отдельных «очагов модернизации» к реально инновационному развитию, в котором будет задействована значительная часть общества, в том числе частный бизнес. Это реальный вызов. И ответ на него пока только предстоит найти. ■

НЕ ОЧАГОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НЕ БЫВАЕТ

ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВ — российский экономист, член Общественной палаты РФ, директор по управлению персоналом и корпоративным отношениям Группы компаний «Ренова».

Специально для Русского Института

Зачинщиком проекта модернизации — как социальной, так и технологической — обычно становится сильная сторона, в наибольшей степени склонная и способная к рефлексии. Как это ни покажется странным, в России именно наиболее активная, информированная и рефлексивная часть общества сосредоточилась в федеральной власти.

Модернизация — первый некоммерческий проект власти и бизнеса. Для бизнеса в этом деле ставка не капитал, а репутация.

Когда я думаю о том, кто проиграет в результате модернизации, чье положение ухудшится, то успокаиваю себя тем, что при ином сценарии проигравших будет еще больше. Глубокие преобразования дают возможность для карьерного взлета тем, кто ранее был поражен в своих правах. Однако в условиях слабых институтов никто в нашей стране не может обеспечить единообразие правоприменения той или иной законодательной нормы.

Модернизация — один из видов развития. Общественное философское и методологическое понимание развития строится на его «очаговости», точках роста, концентрации и интенсификации. Так что не очаговой модернизации не бывает. Не бывает никакой равномерности в территориальном развитии.

Неравенство между регионами существовало и будет существовать всегда, так как имеет не только финансовую природу, но и климатическую, географическую, демографическую, коммуникационную и т. п. Нам необходимо равенство возможностей граждан, а не регионов.

Ответственность за засорение русского языка бессмысленными терминами, вроде «очаговой модернизации», лежит на средствах массовой информации. Мы в бизнесе не используем таких терминов, поскольку за ними нет никакого содержания. Если бизнес представлен убежденными, идейными людьми с определенным философским или научным бэкграундом, с широким культурным горизонтом, то точек взаимопонимания с государством будет очень много. Проекты вроде Сколково или Новосибирска понятны, хоть и сложны в реализации. Но это проекты того уровня сложности, который и заложен как одна из целей модернизации. В конце концов, в стране должно появиться много рабочих мест с высокой востребованностью интеллекта и личных качеств человека. Тогда мы сможем вернуться на дорожку воспроизводства как человеческого, так и социального капитала России. ■

СУДЬБЫ ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

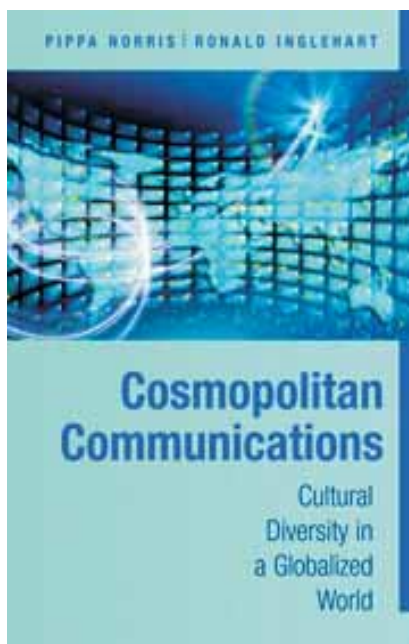
Василий Ванчугов

Рецензия на: Inglehart R., Norris P. *Cosmopolitan Communications: Cultural Diversity in a Globalized World*. New York: Cambridge University Press, 2009.

В соответствии с «Мировой картой счастья», составленной недавно сотрудниками британского Университета Лестера, самой счастливой в рейтинге из 178 стран мира стала Дания, США заняли 23-е место, а Россия – 167, разместившись между Свазилендом и Пакистаном.

Культурологической картографией давно занимается и **Рональд Инглхарт** (Ronald Inglehart) – профессор политических наук в Университете Мичигана, руководитель Центра политических исследований, директор международного проекта по исследованию ценностей (World Values Survey) – глобальной сети социальных ученых, представляющих обозрения со всех континентов. Опираясь на их данные, Инглхарт исследует соответствия между ценностями и верованиями, основания существования или отсутствия демократических институтов, фокусируясь на источниках и формах влияний на индивида, его самовыражении, политической мотивации, сексуальных и религиозных нормах. Сведение совокупности исследований по определенной проблематике время от времени приводит к появлению объемистых отчетов, таких как **«Модернизация и постмодернизация: культурные, политические и экономические изменения в 43 обществах»** (1997).

Среди картографических проектов Инглхарта имеется, например, «Культурная карта мира», представленная в книге (в соавторстве с Хр. Вельцелем) **«Модернизация, культурные изменения и демократия»** (New York, Cambridge University Press, 2005). Из последних работ внимания заслуживает книга 2009 года *«Cosmopolitan Communications: Cultural Diversity in a Globalized World»* (**«Космополитическая коммуникация: культурное многообразие в глобализованном мире»**, New York: Cambridge University Press), напи-

санная в соавторстве с **Пиппой Норрис**, преподающей сравнительную политологию в Школе управления Дж. Кеннеди в Гарвардском университете (в 2004 году Инглхарт и Норрис также дуэтом опубликовали в том же издательстве книгу **«Сакральное и секулярное: религия и политика»**).

Отношения между людьми всегда испытывали на себе воздействие новых технологий, что сказывалось и на политической атмосфере общества. Но в поле зрения авторов книги – новейшие технологии эпохи глобальной информационно-коммуникативной сети, меняющие привычные границы не только между медиа, но и нациями. Для репрезентации всех ключевых процессов современного общества авторы предлагают десятки таблиц, диаграмм, графиков, которые прямо или косвенно указывают, что средства коммуникации стали глобальными, причем настолько, что многочисленные информационные потоки, давно омывающие континент «культура», разваливают его на островки и последние могут вскоре исчезнуть в пучине «потопа».

Локальные коммуны и национальные государства, предупреждают Инглхарт и Норрис, подвер-

гаются реконфигурации под влиянием наднациональных, космополитических форм коммуникации, что может негативно сказаться на культурном многообразии, привести к унификации, воспринимаемой многими как худший финал глобализации. Противоположность столь негативной тенденции возможно, считают авторы, за счет своеобразных заградительных мембран или, раз уж постижение судьбы культуры ведется в свете ИТ-технологий, **«межсетевых экранов»**, осуществляющих в сфере культуры контроль и фильтрацию по заданным параметрам (первая глава книги так и называется – «Firewalls»). Совокупность различных «экранов» и должна предохранять национальные культуры от цивилизационных угроз.

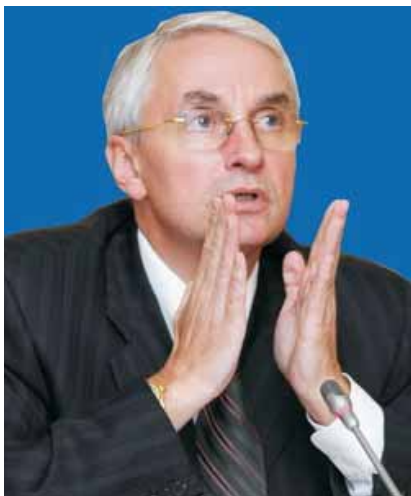
Авторы книги претендуют на разработку «теоретической основы для понимания космополитической коммуникации, позволяющей определить условия, при которых последняя будет наиболее чревата опасностями для культурного многообразия», и в своих суждениях опираются на обзор 90 обществ (с 1981 по 2007 годы). А потому семиотический каркас этой книги «пирамидальный» – широкое основание и острая вершина. Назначение «Космополитической коммуникации», как и многих подобного рода книг, двоякое – слегка испугать читателя, обозначая различные негативные тренды в настоящем, грозящие ему утратой идентичности, но в то же время и вселить надежду на лучшее будущее.

А это будущее возможно и непременно, если большинство ознакомившихся с трактатом составят не коллеги по ученому цеху, неутомимые производители всевозможных подобных экспертных отчетов, а политики и чиновники, принимающие решения. ■

Специально для Русского
Института

Нужны 140 миллионов модернизаторов

Игорь Юргенс

Игорь Юргенс — российский политик и экономист, председатель правления Института современного развития (IN-COP); вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП); член Общественной палаты Российской Федерации, профессор ГУ «Высшая школа экономики», член Совета при президенте по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

Ведущий секции Мирового политического форума, Ярославль, 2010

Подготовительная деятельность к ярославскому форуму «Современное государство: развитие демократии и критерии эффективности» уже сейчас идет самая активная. О конкретных будущих мероприятиях, наверное, пока нет смысла отчитываться. Просто в силу того, что их устройство — это коллективная работа, ход которой не зависит исключительно от нас.

Я бы сказал, что мы ждем от участников форума — как отече-

ственных, так и зарубежных — не столько советов и рекомендаций, сколько прояснения позиций и уточнения тенденций. Особенно в той части, что касается инсоровской «зоны ответственности» — международных отношений и европейской безопасности. Недопонимание, стереотипы, ложные представления о мотивах и намерениях партнеров всегда были и остаются донныне одним из главных препятствий на пути внешнеполитического сотрудничества. Сейчас, когда идет институциональное обновление системы коллективной безопасности, это особенно ощутимо. Требуется большая ясность — как в России, так и за рубежом. Думаю, что ярославский форум может значительно этому поспособствовать.

Мне кажется, стадия моделирования для российской модернизации уже на исходе, все возможные модели проработаны достаточно тщательно. Но **любая стратегия модернизации, осуществляемая в полном масштабе, реализуемая только частично или лишь предлагаемая к реализации, требует непрерывного обновления, непрерывной корректировки.** Мы модернизируемся в меняющемся мире и должны эти перемены учитывать. Успешность «осовременивания» напрямую зависит от того, насколько современны его ориентиры. Формат, предлагаемый ярославским форумом, регулярные широкие и открытые совещания политических элит и экспертного сообщества, очень удачен, если исходить из задачи такой корректировки.

На глобальную модернизацию Россия пока, конечно, не может замахиваться. А что касается национальной, то **вряд ли у «очаговой» модернизации могут быть какие-то серьезные перспективы.** Совершенно непонятно, каким образом модернизация должна впоследствии распространяться из этих «очагов». Опытные площадки хороши (особенно находя-

щиеся под патронатом высшей власти — у нас зачастую это единственное действенное средство поддержания инициативы), но именно как опытные площадки.

Погасить общественную волну, найти каждому подобающее занятие, хоть чем-то порадовать взыскующий модернизации ум, поддержать в короткой перспективе пресловутую «стабильность» — для этих целей реализация серии проектов в рамках «очаговой» модернизации, наверное, годится. Но **России нужна модернизация не ради самой модернизации, а ради будущего достоинства и благополучия.** Создать базу для роста «экономики знаний», укрепить статус страны на международной арене, обеспечить развитие среднего класса и т.д. — это задачи совершенно иного порядка, их решение требует всеобъемлющих, многоуровневых мер.

Решение этих задач требует в том числе и модернизации политических и общественных институтов. В каком качестве немодернизированная часть общества может участвовать в модернизации? В качестве производителя ее ресурсов? Но у нас не колониальная империя и не Китай, мы не можем так запросто делить Россию на «чистых» и «нечистых». И из этических, и из совершенно очевидных практических соображений. Просто исходя из тех условий, которые уже заданы существующей социально-экономической системой. **Либо у нас будет сто сорок с лишним миллионов модернизаторов, либо ни одного.** Либо наше современное государство будет успешно играть роль регулятора в этом процессе, либо наше архаичное государство будет этот процесс симулировать по необходимости. Поэтому состояние общественной и политической сферы должно быть адекватно тем задачам, которые мы ставим в сфере экономической. ■

Специально для Русского Института

РОССИИ НЕОБХОДИМ АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ

Виктор Красильщиков

Виктор Красильщиков — российский экономист и политолог, доктор экономических наук, заведующий сектором Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН, специалист по проблемам модернизации стран Латинской Америки и Восточной Азии. Автор четырех книг, в том числе — «Вдгонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций» (М., 1998), «Подъем и упадок догоняющего развития» (на английском языке, издание интернет-журнала «Entelequia» (2008)

Модернизация на первых порах неизбежно носит очаговый характер. Проблема заключается в том, чтобы распространить сам процесс модернизации и ее достижения за пределы этих очагов. Если этого не произойдет, то модернизация обязательно захлебнется, по многим причинам. Во-первых, если модернизация не затрагивает окружающую среду, она оказывается как бы во враждебном окружении. Старые структуры, в том числе бюрократические, неизбежно бу-

дут ее отторгать. Во-вторых, модернизация нуждается в притоке новых ресурсов и, самое главное, в притоке новых кадров. **Если вокруг чудо-городка в Сколково будет море отсталости, то не будет и притока новых людей в эти «крепости модернизации».** Советская система во многом захлебнулась из-за того, что военно-промышленный комплекс оттягивал на себя все качественные ресурсы — материальные, интеллектуальные, человеческие, оставляя вокруг себя социально-экономическую периферию.

Об этом же говорит и опыт других стран. Например, авторитарная модернизация в Бразилии, которая проводилась там с середины 1960-х до середины 1970-х годов, довольно быстро себя исчерпала, так как она носила элитарный характер. Ее плодами реально пользовались верхние 20–25, максимум 30 процентов населения. Но поскольку одновременно существовали обширные зоны нищеты и отсталости, которые предлагали дешевые рабочие руки, то у бразильских предпринимателей не было особой заинтересованности в технических и технологических инновациях. Только при нынешнем президенте страны Луле началось медленное, но достаточно устойчивое выравнивание уровней социально-экономического развития разных регионов страны.

Что касается Китая и Индии, то там процессы модернизации испытывают на себе влияние традиционного общества. Дуализм индийского общества, существование обширных зон отсталости тормозят процесс индийской модернизации в целом. Индия имеет очень мало шансов на то, чтобы стать одной из ведущих мировых держав по той простой причине,

что все свои экономические и технологические достижения она будет вынуждена использовать для решения своих внутренних проблем. Это же справедливо и в случае с Китаем. Видимо, Китай уже подошел к той черте, за которой стоит неизбежная смена нынешней модели развития.

Кстати, китайцы, в отличие от нас, сумели четко развести политическое и экономическое руководство. В России же, к сожалению, высшие государственные чиновники вовлечены в бизнес, либо через своих приятелей и родственников, либо непосредственно являются членами советов директоров крупных компаний. Естественно, они заинтересованы в том, чтобы эти компании продолжали функционировать так, как они функционируют, и никакая модернизация им не нужна. Ведь любая модернизация предполагает самоограничение не только народа, но и элиты.

Независимо от того, будет усиливаться социальное неравенство в процессе пока еще только предполагаемой российской модернизации или нет, нам абсолютно необходим авторитарный режим. Конечно, демократия всегда лучше, чем авторитаризм. Но трагедия России не в том, что у нас нет демократии, ее и не может быть при нынешней структуре экономики и при нынешних общественно-экономических отношениях. Трагедия России в том, что наш авторитаризм не является авторитаризмом развития.

Довольно трудно ожидать от нашей так называемой элиты, что она согласится добровольно ограничить собственное потребление. ■

*Специально для Русского
Института*

ОЧАГОВАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НЕ ИМЕЕТ ШАНСОВ НА УСПЕХ

Сергей Алексащенко

Сергей Алексащенко — российский экономист, директор по макроэкономическим исследованиям ГУ-ВШЭ. Первый заместитель председателя Центрального банка России в 1995–1998 годах, член консультативного совета при председателе Банка России. Почетный профессор Цзиньинского университета (КНР). Автор книги «Битва за рубль»

Мировой банк много изучал различные стратегии индустриальной политики в разных странах мира. Результаты проведенного им анализа показывают, что **обязательным условием для успешного индустриального развития является так называемая горизонтальная промышленная политика, когда условия для ведения бизнеса становятся более легкими, более благоприятными для всех.** Это достигается за счет институциональных реформ, борьбы с коррупцией и обюрокчиванием, создания независимых судов. Альтернативой является **вертикальная промышленная политика**, когда государство, не меняя институциональную среду, вкладывает ресурсы, силы, время в создание новых за-

водов, фабрик, предприятий в избранных (им — государством) отраслях. Так вот, мировой опыт показывает, что все примеры успешного индустриального развития в качестве обязательного элемента использовали активную горизонтальную промышленную политику. Ни одна страна, желавшая ограничиться вертикальной политикой, не добивалась успеха — заводы строились, а экономика не развивалась.

Нельзя надеяться на развитие нанотехнологий, наряду с этим ничего не делая для таких отраслей, как, например, транспорт, связь, производство цемента, молочная промышленность и т.д. Государство обязано формировать условия, благоприятные для разных отраслей одновременно. И тогда непременно в каких-то отраслях будет прорыв. Но невозможно заранее определить, в каких именно. Задача государства — как правило, посредством вложения финансовых ресурсов — сделать так, чтобы бизнес в отдельных секторах был чуть более выгодным (например, снижением процентных ставок или налоговыми льготами), таким способом направляя и несколько корректируя вектор экономического развития.

Очевидная проблема состоит в том, что сегодня российские власти пытаются реализовать ровно тот сценарий — поднять пять-семь отраслей, — который ни разу не увенчался успехом, вместо того, чтобы равномерно улучшать условия развития всего бизнеса.

По пути горизонтальной промышленной политики пошел и Китай. Там горизонтальные улучшения начали реализовываться в специальных свободных экономических зонах, где создавался абсолютно либеральный режим хозяйствования. Было сказано: в эти зоны может приходить любой

капитал и вести любую деятельность. Главное, чтобы там были рабочие места и людям платили зарплату. После десяти лет такой политики принципы либерального экономического законодательства стали постепенно распространяться на всю экономику, за исключением некоторого (впрочем, пока еще немало) количества государственных предприятий, на которых накопились существенные проблемы.

При этом авторитарная политическая система с доминантной компартией не распространяла свою власть на свободные экономические зоны. В них не было жесткой идеологии, компартия не назначала директоров предприятий и не принимала решений относительно того, какие сектора и где развивать. Модернизация началась именно в тех регионах, где не было власти КПК. Да и сегодня власть компартии постепенно уменьшается — по крайней мере, в экономике ее совсем немного, а на уровне хозяйственной деятельности конкретных предприятий и вовсе нет. **И вообще, мне кажется, неправильно говорить о том, что в Китае существует авторитаризм. Это, скорее, меритократия восточного образца.** По сравнению с Китаем Сингапур или Малайзия — гораздо более авторитарные страны.

Что касается России, то есть принципиальная разница между нами и Китаем, даже между нами и Бразилией. И в Бразилии, и особенно в Китае речь идет об индустриализации страны, о создании промышленной базы. С одной стороны, Россия эту стадию давно прошла, с другой — экономика страны активно деиндустриализируется, поскольку многие сектора не выдерживают конкуренции с внешним миром. А в процессе индустриального развития в нашей стране возникла **одна особенность**

рабочей силы — повышенная способность к креативным решениям и пониженная способность к монотонной, рутинной работе. Да, именно такие люди могли бы стать движущей силой модернизации. Но именно в силу того, что зачастую для их деятельности не нужны заводы и станки, они могут находиться в одной стране, а продавать результаты своего труда — в другой. Можно писать компьютерную программу как в Бангалоре, так и в Дубне, а можно и в Силиконовой долине в Калифорнии. Креативные люди находятся там, где им лучше. Если авторитарный режим жесткого или мягкого типа будет мешать им работать, они просто уедут.

Есть два сценария дальнейшего развития. Первый таков: умные государственные мужи предлагают производить энергосберегающие лампочки и соревноваться с Китаем, кто дешевле это сделает. Очевидно, что энергосберегающие лампочки, во-первых, придуманы и мы их уже не придумаем, а во-вторых, совершенно точно, что их дешевле произведут в Китае. Этот путь ошибочен. Совсем другое дело — создание возможностей для развития бизнеса в России. Пусть бизнес сам находит ниши. Условно говоря, кто-нибудь изобретет патрон для энергосберегающей лампочки, который снижает энергопотребление в пять раз. Именно за счет того, что в страну привлечен капитал, который использует имеющиеся интеллектуальные ресурсы для разрешения проблем, и будут создаваться новые товары, востребованные рынком. По-другому не бывает.

Ни в Америке, ни в Китае, ни в Бразилии государство не руководит промышленными компаниями и не навязывает, что им производить (если это не оборонный заказ). Никогда государство не ставит цели для научно-технических разработок. Скажем, «а сделайте-ка нам энергосберегающую лампочку, которая будет в два раза эффективнее». Государство готово субсидировать исследования в сфере энергосбережения, а что там получится — энергосберегающая лампочка или двигатель внутреннего сгорания, у которого потребление бензина будет в три раза меньше, — дело случая.

Очаговая модернизация не имеет шансов на успех. Если ресурсы российской экономики и общества будут потрачены на попытки создать за счет бюджета «города Солнца», то нас ожидает судьба стран, которые через это уже проходили. Будет потеряно время, будут потрачены огромные финансовые ресурсы, может быть, даже будут построены какие-то заводы, но страна все равно будет отставать. Нет ни одного случая успешной очаговой модернизации. Успешных же примеров неочаговых модернизаций — множество: Чили, Китай, Бразилия, Польша, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Вьетнам, — и этот список можно продолжать. Так что есть с кого брать пример.■

Специально
для Русского Института

УСПЕХИ НА ЧЕРНОМ МОРЕ — СЕРЬЕЗНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСПЕХИ

ДЖЕЙМС ШЕРП — британский политолог, глава российских и евразийских программ в «мозговом тресте» Chatham House, автор монографии «Russia & the West: A Reassessment» (2008)
Специально для Русского Института

Несмотря на то, что регион Черного моря перестал быть болевой точкой для мировой политики, какой он был еще 100 лет назад, черноморский регион сохраняет свою чрезвычайную важность. Возьмем для примера конфликт России с Грузией. По-прежнему возможно продолжение этого конфликта. Важно помнить и о ситуации на Украине. **Вряд ли недавнее подписание соглашения с Россией сняло всю копившуюся долгие годы напряженность.** Только подумайте, что сейчас может произойти в этой стране в результате неразрешимого противоречия в обществе по вопросу базы Черноморского флота в Севастополе. Что будет, если к власти на Украине придет оппозиция и попытается аннулировать новое соглашение по продлению аренды базы Черноморского флота? Москва может воспринять такую ситуацию даже как *casus belli*.

Помимо этого, продолжает расти напряженность по вопросу поставок энергоносителей, поскольку Черное море остается очень важной зоной их транспортировки. В этом плане важность черноморского региона за последние десять лет только увеличилась.

Черное море пока остается границей Европейского Союза, но и ЕС уча-

ствует в черноморской политике. Не следует забывать, что Болгария и Румыния также имеют выход к Черному морю в буквальном, географическом смысле этого слова, и что эти страны входят не только в ЕС, но и в НАТО. Румыния однозначно стремится выражать интересы ЕС и НАТО. По многим ключевым вопросам у этой страны существуют разногласия, например, с такими державами региона, как Россия. Не стоит забывать: ЕС по-прежнему обладает соблазнительной привлекательностью для стран, в нем не участвующих. А ЕС реализует ряд программ в черноморском регионе.

Черное море продолжает оставаться потенциальной зоной возникновения конфликтов, и ЕС не может от них самоустраниться. Давайте не забывать, что существуют серьезные конфликтные зоны вблизи этого региона: текущая война в Ираке, возможный конфликт с Ираном, — все это может привести к существенным переменам в регионе. Война в Ираке способствовала радикализации Турции. Так что развитие тех или иных событий на периферии этого региона может привести к резкому изменению баланса сил внутри самого региона. ■

«ПОТЕПЛЕНИЕ» НА ЧЕРНОМ МОРЕ

Подписание российско-украинских договоренностей по Черноморскому флоту (по формуле «флот в обмен на газ») явилось, несомненно, важным событием для обеих стран. Свидетельством тому – буря в Верховной раде Украины, когда оппозиция безуспешно пыталась сорвать ратификацию, так и практически единогласное голосование в Госдуме РФ. Там обошлось без драки, но не без вопросов: фракция ЛДПР устами своего лидера высказалась-таки в том плане, что договор России невыгоден, а цена, которую Россия будет платить в виде скидки на газ, непомерно высока. Но, как сказал один влиятельный российский эксперт, «национальный приоритет того, чтобы Черноморский флот остался в Крыму... это спасение национальных святынь и национальной совести, само подтверждение верности которым выше уже достигнутой рентабельности. И выше дипломатического успеха».

Но проблемы вокруг Черного моря не исчерпываются размещением российского флота в Крыму. Что означают, например, российско-украинские договоренности для других стран, имеющих выход к Черному морю? Являются ли они зачатком некоего

нового военно-политического союза, способного в перспективе противостоять совокупным военноморским силам стран НАТО? Можно ли вообще говорить о каком-то стратегическом противостоянии в регионе, или Черное море давно утратило то значение, которое имело лет сто назад? И тогда кто, какие страны являются главными игроками на этой площадке и какие интересы являются приоритетными для каждой из сторон? Как, в частности, может отреагировать Турция (страна, полностью контролирующая проливы, соединяющие Черное море со Средиземным) на российско-украинское сближение?

Да и в том, что касается двусторонних отношений России и Украины, перспективы договора «флот в обмен на газ» не кажутся абсолютно безоблачными. Что будет, если к 2017 году (когда истекает срок действия предыдущего договора по флоту) власть на Украине перейдет в руки нынешней оппозиции, которая, похоже, готова сделать вопрос о флоте центральным в борьбе против нынешнего президента и правительства?

«Ярославская инициатива» предлагает подборку экспертных мнений по этим вопросам.

Россия и Украина: все довольны?

Михаил Погребинский

Решительность, с которой новая украинская власть ведет себя в российско-украинских отношениях, стала настоящей неожиданностью для украинского экспертного сообщества. Вызывает удивление стремительность, с которой удается разрешать различные вопросы. Не стала исключением и ратификация соглашения о продлении срока пребывания Черноморского флота в Крыму до 2042 года, подписанного ранее в Харькове президентами России и Украины Дмитрием Медведевым и Виктором Януковичем. Новая украинская власть доказала свою эффективность и подтвердила, что она контролирует положение в политическом классе.

При этом складывается впечатление, что, несмотря на все

свои заявления, оппозиция совсем не планировала срывать ратификацию соглашения. Если бы они действительно стремились к этому, тогда им нужно было не объявлять о своих намерениях во всеуслышание, а, скажем, занимать помещения парламентского зала в ночь на пятницу, что позволило бы им физически контролировать здание Рады. Лидеры оппозиции выглядят так, будто они в высшей степени удовлетворены происходящим. Во-первых, у них появилась тема для оппонирования действующей власти – «не сдадим Крым». После выборов они были деморализованы, конфликтовали между собой, а сейчас есть основа для объединения – выступить в роли «единственных патриотов» в противовес

«преступной власти». Во-вторых, оппозиция снова в центре внимания, в то время как еще месяц назад они были никому не интересны.

В итоге все довольны: и Россия, и действующая украинская власть, и оппозиция.

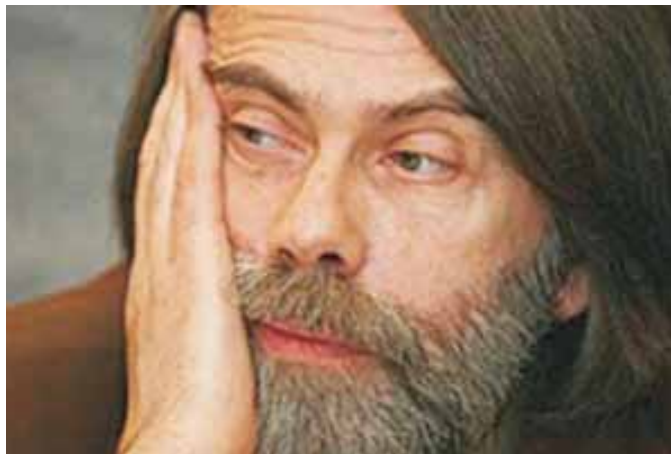
Правда, для нас российский интерес выглядит несколько странным. По нынешним временам тридцать два года – это невиданный срок для обязательств. Сам Владимир Путин во время визита в Италию говорил о необходимости строить «Южный поток», так как на Украине власть постоянно меняется, и все прекрасно понимают, что в случае денонсирования нынешних соглашений опять могут возникнуть проблемы с транзитом газа. Все понимают, что по-

ка гарантами выполнения соглашения являются Виктор Янукович в кресле президента и его большинство в Раде. Может ли сегодня Россия решить, что теперь флот в Новороссийске не нужен и стоит свернуть соответствующее финансирование? Однозначного ответа нет. **Будет на Украине новая власть — и планы по размещению Черноморского флота могут быть похоронены**, найдется способ денонсировать Харьковские соглашения, даже если это и проблематично с юридической точки зрения.

Кроме того, невозможно не учитывать тот факт, что подписание соглашения стало возможным в значительной степени благодаря благосклонной позиции Запада по этому вопросу. Оппозиция лишилась союзников в Европе и в США, что было продемонстрировано достаточно внятно. Но ведь такая позиция Запада — не навсегда. Непонятно, чем закончится «перезагрузка» отношений России с США. Запад стремится обезопасить себя от угрозы энергетического давления со стороны России, достаточно вспомнить разговоры про сланцевый газ. Никто не может гарантировать того, что через семь-восемь лет отношения России с Западом не изменятся в худшую сторону.

Окончательный результат не ясен, а между тем Россия теряет некоторое количество денег. Цены за газ для Франции, Италии, других стран являются коммерческой тайной. Между тем украинская оппозиция утверждает, что 230 долларов за 1000 кубометров — это не скидка, а стандартная цена для европейских стран минус расходы на транзит. Может быть, в России действительно считают, что Украина платит слишком высокую цену за газ?

Смушает и еще один нюанс. Символически выиграла Россия, а та часть Украины, для которой символы имеют значение, не получила никакого символического компенсатора. Наверняка стоит над этим подумать,

Михаил Погребинский — украинский политолог, директор Киевского центра политических исследований и конфликтологии

хотя и трудно сказать, что могло бы стать таким компенсатором. Возможно, российская поддержка стремления Украины стать членом ЕС.

В любом случае **ратификация Харьковских соглашений — это важный старт для нового пакета соглашений, результат резкого изменения уровня доверия между нашими странами**. Можно рассчитывать на совместное производство в сфере авиастроения, на совместные проекты в вопросах, касающихся космоса, атомной энергетики и т.п. Разумеется, речь идет о проектах, достаточно краткосрочных, но таких, которые могли бы принести быструю прибыль обеим странам. Украина заинтересована в партнерствах, вместе с которыми можно было бы зарабатывать деньги — например, вместе с Россией строить и продавать самолеты или строить совместно в третьих странах атомные энергоблоки.

Однако важно понимать, что **Украина отнюдь не собирается отворачиваться от Запада и попадать в орбиту России**. Не стоит торопиться с подобными утверждениями. Хороший пример, чтобы убедиться в сомнительности этого мнения, — отказ новой украинской власти от присоединения к Таможенному союзу России, Белоруссии и Казахстана. Напротив, в этом году ожидается создание зоны свободной торговли Украины с ЕС. Вхождение в таможенное пространство означало бы однозначный отказ от экономической интеграции с Европой. Интеграция — это чисто прагматический интерес для украинской экономики и украинского бизнеса,

это процесс взаимодействия и кооперации. Но это не означает, что сделан геополитический выбор в пользу интеграции на Восток против интеграции на Запад. Скорее всего, ищутся возможности использовать преимущества кооперации и в том и в другом направлении.

В России существует точка зрения, что Украине нужна федерализация и реформа политической системы, к которой Януковича может подтолкнуть реакция оппозиции на Харьковские соглашения. Однако пока таким образом вопрос не стоит. Пока Янукович все-таки рассчитывает на то, что окажутся результативными его усилия в несимволических направлениях, таких как экономика, социальная политика, предоставление права регионам самим определять своих героев. Скорее всего, он рассчитывает на то, что этого окажется достаточно и кардинальной политической реформы не потребуется. Возможно, его нынешние шаги — это предварительный этап возможной в будущем регионализации, которая должна будет пройти через все стадии, вплоть до конституционного закрепления. ■

Специально
для Русского Института

ЧЕРНОМОРСКИЙ СОЮЗ — ПЕРСПЕКТИВА ДАЛЕКАЯ

Федор Лукьянов

Федор Лукьянов — российский журналист-международник и политолог, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», член российского Совета по внешней и оборонной политике (СВОП)

Участник Международного ярославского форума «Современное государство и глобальная безопасность» (Ярославль, сентябрь 2009 года)

Сегодня Черное море не имеет такого стратегического значения, какое оно имело в XIX или в начале XX века. Прежде всего, потому что Европа не является тем центром международной политики и, видимо, не будет являться впредь, каким она была сто лет назад, пятьдесят лет и даже двадцать пять — тридцать лет назад. Если быть реалистичным, то понятно, что той мощи, которая когда-то была у Черноморского флота, он уже никогда не обретет.

Символическое присутствие России на постсоветском пространстве — это важный аспект, но если говорить о реальной геополитике, обращенной к южным морям, то значение Черноморского флота несопоставимо ниже, чем было еще двадцать пять — тридцать лет назад. Хотя присутствие Черноморского флота в Крыму

— это символ того, что Россия остается лидирующим игроком на постсоветском пространстве. И сегодня это предпосылка для налаживания нового типа отношений, прежде всего в сфере экономики, поскольку главное, что приобрели Украина и Россия благодаря этой сделке, — они избавились от очень острых проблем, которые бы неизбежно возникли, если бы России пришлось выводить флот из Крыма. Тогда бы все наиболее радикально настроенные силы и в России, и на Украине, безусловно, активизировались. И это было бы чревато очень серьезным кризисом, учитывая значимость Украины для всей системы европейской безопасности.

Реальную цену сделки, на мой взгляд, определить трудно. Те 40 миллиардов, которые названы, — это условные деньги. У Украины этих денег нет. И платить за газ те суммы, которые были согласованы полтора года назад Тимошенко и Путиным, Украина не могла. А неплатежи вызвали бы новый серьезный межгосударственный кризис с вовлечением европейских потребителей российского газа. Будучи припертой к стене, любая украинская власть — даже самая сверхлояльная Москве — была бы вынуждена спровоцировать какие-то конфликты. Так что **Россия отказалась от платежей, которые все равно бы не поступили.**

Символическое присутствие России на постсоветском пространстве — это важный аспект

Вряд ли сегодня можно говорить о каком-то Черноморском союзе по образцу того, который Никола Саркози предлагает для Средиземного моря. Все-таки страны региона входят в совершенно разные альянсы. Интерес Соединенных Штатов к Черному и Средиземноморскому морю тоже никто не отменял.

Другое дело, что ситуация в регионе начинает меняться как в связи с повышенной активностью России, так и в связи с новыми подходами Турции. Турция — самая мощная региональная держава, **в военном отношении Турция в Черном море, безусловно, доминирует — именно Турция, а даже не НАТО.** И сейчас она активно стремится проводить очень самостоятельную, амбициозную политику. Плюс к этому, заметно возрос взаимный интерес России и Турции — как в экономическом, так и в более широком контексте. Вот это, наверное, будет определять дальнейшие события в ближайшие десятилетия. Турция, как страна, которая стремится к укреплению своего влияния вокруг своих границ, скорее, нацелена на улучшение отношений со всеми соседями. И чем меньше конфликтов в соседних с Турцией регионах, тем больше у нее возможностей. Так что сейчас речь о соперничестве России и Турции не идет — скорее, о поиске совместных инициатив.

Конечно, у Турции остается такой рычаг, как проливы. Но **сегодня проблема проливов более актуальна не для России, а для Соединенных Штатов.** Это мы видели и во время иракской войны, когда Турция отказалась предоставить базы Соединенным Штатам, и во время грузинской войны, когда Турция тоже очень осторожно себя вела с допуском натовских кораблей в Черное море. Естественно, Турция этим

инструментом пользуется и крайне заинтересована в том, чтобы он сохранился. Но что касается России, то у Москвы, **если судить по фактам, каких-то морских амбиций, выходящих за рамки Черного моря, в данном регионе на сегодня нет.** ■

*Специально
для Русского Института*

ЧЕРНОЕ МОРЕ — АРЕНА «ПЕРЕЗАГРУЗКИ»

Тимофей Бордачев

Тимофей Бордачев — российский политолог, директор Центра комплексных европейских и международных исследований ГУ-ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, автор книги «Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки»» (М., 2009).

Участник Международного ярославского форума «Современное государство и глобальная безопасность» (Ярославль, сентябрь 2009 года)

Сейчас есть только одно морское стратегическое пространство, обладающее глобальным значением, — Тихий океан. Он связан одновременно и с Соединенными Штатами, и со стремительно растущим Китаем, и с Россией. Все остальные океанские и морские пространства имеют в лучшем случае региональное значение. Если говорить о Черном море, то для России сохранение в Севастополе Черноморского флота — это в первую очередь вопрос престижа. Реального военно-стратегического значения данный регион не имеет.

Учитывая, что у Турции отсутст-

вуют перспективы вступления в Евросоюз, более глубокое сотрудничество стран Черноморского региона пойдет на пользу всем — и России, и Украине, и Турции, и Грузии, и, безусловно, странам — членам ЕС и НАТО, таким как Румыния и Болгария.

Но каким конкретно будет это сотрудничество, сказать трудно. К примеру, предложенный Николя Саркози Средиземноморский союз остается виртуальным образованием, служит в первую очередь дипломатическим прикрытием активизации связей между Францией и странами Южного Средиземноморья, Северной Африки и попыток Евросоюза как-то войти в ближневосточную ситуацию. В качестве виртуального, исключительно декларативного образования Черноморский союз возможен хоть завтра. Если говорить о более серьезных формах экономического взаимодействия, это, безусловно, потребует времени.

Надо отказаться от европоцентризма и не мерить интересы других стран в их сравнении с интересами Евросоюза. ЕС сейчас находится на стадии явного спада, не может претендовать на функции не то что глобального, но и регионального игрока. **Взаимопонимание и сотрудничество между Россией и Украиной, Россией и Турцией зависит вовсе не от отношений с Евросоюзом, а в первую очередь — от отношений между Россией и США.**

После того как Соединенные Штаты фактически отказались от планов расширения НАТО путем включения в альянс Грузии и Украины и вопрос был закрыт окончательно, стабильность в Черноморском регионе, безусловно, укрепилась. США на данном этапе не преследуют цели ограничения возможностей взаимоотношений между Россией и странами бывшего СССР.

В последние годы Россия стремится играть роль, которая требу-

ет от нее гораздо большей ответственности, чем чисто экономический прагматизм. **Стремление быть на первых ролях в мировой экономике и политике, безусловно, потребует от России определенных жертв.**

Новые договоренности с Украиной дают ощущение не только символической победы. Во-первых, после ратификации эти договоренности являются международными правовыми документами. И поэтому отказ одной из сторон от их исполнения будет предметом большого международного внимания и поставит серьезные вопросы о правоспособности, об ответственности данной страны в широком международном контексте. Это более серьезные вещи, чем действия по принципу: мое слово, хочу — даю, хочу — беру обратно.

Второе: харьковские соглашения являются свидетельством того, что новое украинское руководство адекватно и понимает, что у Украины нет шансов на вступление в НАТО и в Евросоюз. Поэтому она не может более выстраивать свою политику как торговлю антироссийской позицией. Харьковские соглашения свидетельствуют о том, что между Россией и США существует понимание того, где они должны уступать и где должны помогать друг другу, существует понимание интересов сторон и готовность воплощать это понимание в реальной политике.

Сейчас в отношениях между Россией и Западом начинается период серьезного потепления и активного сотрудничества. Поэтому вряд ли Россия нуждается в союзниках для борьбы с кем-то. Новая прагматичная линия руководства Украины позволит этой стране более удачно сотрудничать и с Россией, и со странами Европы. ■

Специально
для Русского Института

Шестой номер «Ярославской инициативы», посвященный, в частности, вопросам правозащиты и стандартам демократии, вызвал дискуссию в среде интеллектуалов. Мы возвращаемся к дискуссии и предоставляем слово видному австрийскому политологу, эксперту в области современной политической истории Восточной Европы и России, профессору политологии Университета Инсбрука Герхарду Манготту. Профессор Манготт входит в число мировых интеллектуалов, принявших приглашение участвовать в Ярославском международном форуме 2010 года.

БАЗОВЫЙ СПИСОК ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ЕДИН ДЛЯ ВСЕХ

Герхард Манготт

Права человека и гражданские свободы, гарантированные и защищаемые конституцией, — это обязательное условие демократического режима. Однако открытым остается вопрос о том, следует ли включать в число этих фундаментальных прав также и социальные права (вопросы социальной справедливости) и правовые условия, которые обеспечивают каждому гражданину возможность вести достойную жизнь.

В странах сформировавшейся демократии защита прав человека и гражданина — принципиальная задача судебной системы, которая должна быть понастоящему независимой и свободной от случайных решений и коррупции. Впрочем, этого недостаточно, поэтому и политическое сообщество (партии), и гражданское (НПО, правозащитники) должны быть «сторожевыми псами» защиты прав человека. Их деятельность должна освещаться действительно независимой и ответственной прессой. Более того, правозащитники (сами порой разобщенные и не координирующие друг с другом свою деятельность), инициируют дебаты о расширении гражданских прав притесняемых меньшинств.

В странах переходной демократии роль гражданского общества еще более возрастает, поскольку суды в большинстве случаев еще не способны в полной мере выполнять свою задачу по защите прав человека. Кроме того, политические элиты в странах молодой демократии еще недостаточно зрелы, чтобы понять нерушимость прав человека.

Деятельность правозащитников в странах с авторитарными режимами или в странах, которые только перехо-

дят к демократии, жизненно важна. В таких странах НПО приходится работать в тяжелых условиях (недостаток финансирования, невозможность общения с прессой, притеснения со стороны государственных органов и т. п.).

В странах зрелой демократии «сторожевыми псами» гражданских свобод служит множество общественных и политических деятелей. Поэтому правозащитники там уже не играют такую же ключевую роль, как их коллеги в авторитарных системах и странах переходной демократии.

Вряд ли будет верным утверждение, что правозащитники способны определять и регулировать единые стандарты демократии. У правозащитников есть верное всестороннее понимание того, что такое сформировавшаяся либеральная демократия. Но во многих переходных демократиях НПО не обладают исчерпывающими знаниями демократических законов. Впрочем, на этом этапе демократизации это не так уж и важно. Гораздо важнее мужество, преданность и организаторский талант.

Вообще, на тему о национальных и культурных особенностях при формировании единых стандартов демократии ведется много споров. Но есть обязательный и неприкосновенный свод гражданских прав, которые должны быть гарантированы и защищены: свобода слова и собраний, свобода организаций, свободные честные выборы, ответственные власти, независимые суды, некоррупцированная государственная администрация, не принимающая произвольных решений, защита человеческой жизни, равенство рас, религий и полов. Поэтому список основных прав человека не должен сужаться из-за культурных или исторических особенностей той или иной страны.

Самая большая опасность для правозащитников проистекает из того, что граждане не замечают, как государство время от времени — порой очень тонко и завуалированно — нарушает основные гражданские права. В недавнее время появилась еще одна угроза — государственные чиновники пытаются расширить права правоохранительных органов в борьбе против международного терроризма. **Очень часто права человека нарушаются во имя общественной безопасности и стабильности.**

Не следует соглашаться с утверждением, что большинство населения таких стран, как, например, Россия, США или Китай, не рассматривает правозащитников как выразителей их интересов. Просто иногда мы видим, что люди готовы поступиться частью своих личных прав в обмен на социальное равенство или повышение уровня общественной безопасности.■

Специально для Русского Института